

ФИО информанта: Кирюхин Григорий Григорьевич

Дата рождения информанта: 10.05.1925 г.

Место рождения: с. Глубое Курской области

С какого времени в Крыму: с 1931 г.

Адрес: пгт. Красногвардейское

Дата и место записи интервью: 9.08.2006

ГГК: Григорий Григорьевич Кирюхин

Соб. 1:

Соб. 2:

Соб. 1: Назовите свое имя, отчество.

ГГК: Кирюхин Григорий Григорьевич.

Соб. 1: Год рождения, дату.

ГГК: Тысяча девятьсот двадцать пятый, десятого мая.

Соб. 1: А где Вы родились?

ГГК: В Курской области, Дмитриевский район, село Глубое.

Соб. 2: Как село называется?

ГГК: Глубое.

Соб. 2: Глубое?

ГГК: Глубое, да.

Соб. 1: А до какого времени Вы там жили?

ГГК: До тридцать первого года. А потом с родителями переехали в Крым.

Соб. 2: А маму и папу как звать?

ГГК: Маму и папу? Папа – Григорий Григорьевич, а маму – Мария Алексеевна.

Соб. 1: А по какой причине переехали?

ГГК: А просто родители так захотели, наверно – переехать сюда. Тут уже отцов брат жил, переехал в двадцать первом году, ну, и он его, как говорится, уговорил, и переехали мы сюда. И я с родителями переехал.

Соб. 1: А куда вы переехали?

ГГК: Ну, сразу мы переехали... Сейчас этого – ни деревни, ничего нет уже. Там как раз канал проходит, тогда был колхоз имени Шаумяна, деревня русская – Антоновка. Там мы три года прожили, а потом переехали – рядом, четыре километра – немецкая была... село Аксирук Онрат. Колхоз «Черново» был такой, назывался. У нас был министр земледелия тогда, еще в первые годы.

Соб. 1: То есть в округе были национальные деревни, да? Вот, немецкая деревня...

ГГК: Да, да, да, да. Вот это русская Антоновка – тут русские жили, а Аксирук Онрат - четыре километра – там немцы, восемьдесят процентов где-то жило немцев, которые вот... еще при Екатерине. Как они называются – колонисты – или я знаю, кто?

Соб. 1: А сколько было лет, когда война началась? Сколько Вам было?

ГГК: Мне?

Соб. 1: Да.

ГГК: Шестнадцать.

Соб. 1: А Вас призвали на фронт или Вы здесь остались?

ГГК: Ну как Вам сказать? Мы эвакуировались отсюда. Вот колхоз «Димитрово» здесь сейчас – это седьмая бригада колхоза «Победа», бывшего – вот как на Джанкой едете, там есть заправка справа, а слева – село там в полкило...

Жен. голос: Ну, это раньше был Тельмановский район.

ГГК: Тэльманский район, да, Тэльманский район. Тэльманского района был это... Вот, колхоз «Димитрово» было. И когда война началась, вот с этих немецких деревень немцев эвакуировали тоже. Как говорят, выслали или эвакуировали – это в августе сорок первого года. Мы там еще работали – молодежь, с этих, с окружающих русских деревень работали, потому что там скот остался, что еще что ли. Мы там ухаживали, там и уборка шла, еще зерно ж убирали, все в срок, к первому... А потом, в сентябре месяце началась эвакуация скота. МТС и технику эвакуировать все. И вот, отец работал председателем колхоза, он был коммунистом, вот. И наша семья - райком партии, значит, оформил документы, все на нашу семью, и мы эвакуировали колхозный скот. Двести семьдесят голов крупного рогатого скота. Это двадцатого сентября сорок первого года было. Уже Перекоп был закрыт немцами, уже немцы стояли на Перекопе, потому что через Перекоп нельзя было выйти, так мы – через Керченский пролив. Мы эвакуировались, значит... второго октября мы уже были на стороне Краснодарского края. Сорок первого года. Ну, в Краснодарском крае, мы до десятого ноября гнали по Краснодарскому краю скот, а потом в одной из станиц – станица Успенская - сдали скот этот там. И остались тут проживать.

Соб. 1: А вот кого в первую очередь эвакуировали?

ГГК: Как в первую очередь?

Соб. 1: Ну, вот люди эвакуировали... эвакуировались...

ГГК: Люди, люди – эвакуировались. Ну...

Соб. 1: Ну, вот кто-то - в первую очередь... были?

ГГК: Там всех – всех подряд. Всё, потому что транспорт там, в Керчи, было семь переправ, понимаете? И там, где людей отправляли... Даже вот с одной переправы и скот отправляли, и людей отправляли. Потому что транспорт был разный. Вот скот, например, там две баржи было вместе соединены, *базыпас* (?) были поделаны там - скот загоняли туда. То катер цеплял – и на ту сторону уже.

Соб. 1: Вот, а из Красногвардейска много людей эвакуировалось?

ГГК: Ну я Вам не скажу, сколько! Ну, каждый колхоз – сколько эвакуировал? Каждый – тогда восемьдесят три или восемьдесят восемь хозяин было – мелкие, они ж каждая деревня – был колхоз тогда. Как, до пятидесятого года ж. Вот, и каждый колхоз эвакуировал скот. Каждый колхоз.

Соб. 2: Одновременно или по очереди?

ГГК: Нет, ну вот, например, гнали по-разному все. Вот, например, мы прибыли туда, на переправу, там опасная вот, где сейчас была переправа вот железнодорожная там, все, вот это мы, на опасное попали тогда. И там записывались мы. Там же ж было как - организовано все, там же правительственная комиссия была, все, записывали на очередь. Мы там три дня ждали, пока наша очередь подошла. Вот и второго октября нас перевезли на ту сторону, уже в Краснодарский край.

Соб. 2: А из соседних деревень кто-то был?

ГГК: Ну вот были, вот колхоз «Яркое поле» - тоже колхоза «Победа» сейчас она, из Джанкойского района. Мы встречали так, понимаете? Вот, кто вперед кто уйдет, кто

назад, потом опять куда-то вперед шел, и вот мы встречали этих. А так, все ж гнали, все, кто, откуда мы... например, с других деревень мы ж... тем более мы молодые были, мы же особо не знали, кто из какой деревни там.

Соб. 2: А что, с соседними девочками не общались? Из деревень?

ГГК: Как? А, не, ну с соседними как – в кино ходили там... общались так, ну, так они ж не эвакуировались.

Соб. 2: Они остались?

ГГК: Ну они оставались. Это специально вот, например, скот эвакуируют, например, сколько там? Пять человек - достаточно? Вот этих пять человек выделяли из хозяйства, и эти пять человек гнали. Вот, например, у нас семья: мать, я, сестра и невестка - старшего брата. Это взрослые были. А потом, значит, племянники, пять человек было. Старшему было одиннадцать лет, а самому меньшому – сорок первого года – и года не было. Вот такой у меня ж состав. Вот, считайте, от года до одиннадцати лет племянники были, и нас четыре человека было взрослых. Вот мы двести семьдесят голов скота этих гнали. Вот.

Соб. 2: А вот в соседние когда ходили деревни – кто там жил? Вот, с кем-то общались, дружили?

ГГК: Ну, вот мы жили, вот это, колхоз «Димитрово», ходили вот и в Яркое Поле там, три километра, ходили вот в этот... Красно... сейчас я... Красно... Да вот совхоз был - Джаркуи тогда он назывался – рядом, там тоже три километра от нас. Туда ходили мы. На танцы ходили, в кино ходили. Вот так как то...

Соб. 2: А такое название интересное – Джаркуи. Джаркуи, да?

ГГК: Джаркуи, да.

Соб. 2: А что это?

ГГК: Ну, это...

Соб. 2: Не русское название?

ГГК: Немецкое какое-то.

Соб. 2: Немецкое название?

ГГК: Потому что там поместье немецкое было.

Соб. 2: А жили там кто?

ГГК: Ну, там жили русские. Там же, видно, помещик был, ну и потом же помещичью усадьбу эту там населили рабочими русскими, в те времена еще, после революции. Ну, такое...

Соб. 2: А еще мы слышали – еврейские колхозы были.

ГГК: Были у нас еврейские колхозы. Сколько их было, вот Фройлебен, аэродром, Калинино, Калинидорф, вот тут, в «России», в колхозе, в основном первый участок, второй, третий, четвертый, пятый - пять тут в округе, в колхоз «Россия» нашего района уже этот был колхоз, большой. Там председатель Криворотов был последнее время. Вот. И на этой стороне два года, я последнее время вот работал уже после войны тридцать семь лет, колхоз Калинина. Центральная усадьба наша была еврейская. Вот евреев тоже эвакуировали.

Соб. 2: Тоже эвакуировали?

ГГК: Эвакуировали, да.

Соб. 2: С животными?

ГГК: Нет. Так эвакуировали.

Соб. 2: Они сами или их...

ГГК: Организованно все было, да. Все, все организовано.

Соб. 2: И транспорт был?

ГГК: Транспорт выделял колхоз, все там. Например, люди такие, кто мог – шли пешком, дети - на подводах, там все как было... Все организовано было.

Соб. 2: И тоже через Керчь?

ГГК: Через Керчь, да. Ну ту же закрыл немец уже ж. Тут нельзя ни въехать, ни выехать.

Соб. 2: А Вы с ними встречались?

ГГК: С кем?

Соб. 2: В Керчи, вот скажем, из еврейских колхозов?

ГГК: Ну, я не знал их, понимаете? Ну, их там много было, их... Я даже не...

Соб. 2: Смешание, да?

ГГК: Да я даже... Мы как раз ожидали на переправе, и вот приехал председатель колхоза. С одного, с Красноперекоского района. С еврейского. И он, значит, их отправил всех, говорит: «А я тут, мол, деньги получу, потом приеду – вам раздам». Ну что-то приехал бидаркой, а денег не привез, так они еще его там отлупили, это...

Соб. 2: Да Вы что?

ГГК: Да, вот это я видел. А так, мы не знали друг друга. Откуда? Ну откуда мы знали?

Соб. 1: Ну, вот а почему именно евреи эвакуировались? Они...

ГГК: Ну потому что немец, как говорится, показал себя сразу, когда наши...

Соб. 1: А в газетах писали или по радио..?

ГГК: В газетах, по радио, все, что они уничтожали под... евреев подряд всех сразу. «Юда, давай сюда!». И все.

Соб. 2: А за что они их так?

ГГК: Ну откуда я знаю, Гитлер как их... за что или как он их? Какая ненависть у него была к ним – не знаю.

Соб. 2: Именно только к евреям так?

ГГК: Вот, и евреи, и цыган тоже.

Соб. 2: И цыган тоже?

ГГК: Цыган тоже.

Соб. 1: А здесь они были?

ГГК: Был здесь колхоз... Как его, забыл, вот он колхоз «Ленинец» около Новопокровки... Как же он?... Кучунгу! Там были цыгане.

Соб. 2: И много их там было?

ГГК: Да нет, наверное, дворов двенадцать или пятнадцать там было, я думаю.

Соб. 1: А они эвакуировались или..?

ГГК: Нет, они жили тут.

Соб. 1: А не знаете, что с ними случилось?

ГГК: Остались же после войны, все живы – здоровы. Так и было до... А потом, колхоз в пятидесятом году объединялся, колхоз «Ленинец», и их присоединили, и та деревня развалилась, и на этом все закончилось. Так они... Кто остался – живет там сейчас, в Новопокровке.

Соб. 2: До сих пор? А откуда знали, что они – цыгане? Гадали, ходили, наверное?

ГГК: Да! Цыганки, они ж работу свою знали четко.

Соб. 2: А одевались как?

ГГК: Да как? В лохмотьях, как обычно.

Соб. 2: Цветные?

ГГК: Как сейчас.

Соб. 2: А мужи... А мужчины у них?

ГГК: А мужики там кое-кто работал, а кое-кто, значит, ходил в кузнечные работы там. Ковали лошадей там, такое. По селам ходили тоже.

Соб. 2: А говорили они на каком языке?

ГГК: Ну, когда встречаются с русским, значит они – хоть на ломаном, но на русском языке. А там между собой они на своем.

Соб. 2: На своем говорили?

ГГК: Да.

Соб. 2: А вот, скажем, в еврейских колхозах, когда вот встречались, бывали, на каком языке они в основном говорили?

ГГК: Ну на... Они, вообще-то, евреи, в основном... на русском языке говорили. Потому что тут же ж большинство русских было в районе... проживало.

Соб. 2: А еврейскую речь слышали?

ГГК: Что?

Соб. 2: Еврейскую речь?

ГГК: Ну может, и слышал – я не придавал значения этому.

Соб. 2: То есть, ну, они между собой могли разговаривать?

ГГК: Конечно. Ну, они ж, это как же ж говорится, одна нация.

Соб. 2: А вот когда Вы говорите, председателя били за то, что деньги не привез – на каком языке ругали?

ГГК: А не понял я там. Там – сплошной крик, гам, все это перемешалось. Кто его знает, что они там... Вот такое дело было. Потом вот десятого ноября мы сдали скот в Краснодарском крае, станица Успенская Ильинского района. Тогда. И потом я... меня устроили работать учетчиком тракторной бригады. От МТС. Там было в станице два МТС - Староуспенский и Новоуспенский. И в Староуспенском. Проработал я до двадцать девятого июня сорок второго года. Немец уже шел полным ходом, наступал на Сталинград и на Ростов. Это как раз весеннее – летняя кампания была. И двадцать девятого июня мне бригадир – полевод, женщина приезжает и говорит: «Так и так вот, тебе – повестка». Да, из военкомата. Ну, я как раз готовил пятидневный отчет о работе тракторной бригады, двадцать девятого там как раз кто уже – пересмена произошла, я закрывал посменные листы. Вот. И она это. Я все сгреб в ящик стола свои бумаги, все, сел с ней и поехал. В станицу туда, в колхоз. Ну, там уже молодежь вся. И нас – двадцать четвертый и двадцать пятый год. Весь. Всех подобрали. Считай так, призвали нас, добровольно или что – нет. Десятого мая семнадцать исполнилось, двадцать девятого июня меня забрали. А другие, которые рожденные были, там, в ноябре, сентябре – им еще и семнадцати не было.

Соб. 2: А кто-то вот из Крыма был с Вами вместе?

ГГК: Был один у нас тоже эвакуированный, эвакуированный, с Ленинского района. С одного колхоза. И мы даже жили – ихняя семья и наша семья в одном доме жили. На две половины дом был. Там, в станице.

Соб. 2: А фамилию их помните?

ГГК: Деркачев Владимир, а отчество не знаю. Ну мы ж как? Мы ж думали, что нас учиться пошлют куда-то. Думали: ну куда пацанов еще? Да. А нас вот пригнали в Дагестан в августе месяце. Всех, это ж вот Краснодарский край, Ставропольский край, Кабардино – Балкария, Северная Осетия – вот эти все республики все. Вот эту молодежь всю. И в Дагестане с Фаргова в город Буйнакск, слышали? Вот...

Соб. 2: Да, немножко.

ГГК: Буйнакск есть в Дагестане такой. Вот там тридцать километров – село Леваша называется. Значит, мы, наш 571-й стрелковый полк формировывался, и нас туда. В Серго Кала – там 606-й полк, и штаб дивизии стоял там в Серго Кала. А в Новом Каякенте, там еще стрелковый полк и артиллерийский полк формировывались. В Дагестане. И буквально мы две недели, и мы уже тридцатого августа уже мы выступили на фронт, уже оттуда. Ну, что еще дальше?

Соб. 2: И сразу на фронт и выехали.

ГГК: Сразу на фронт. Мы уже 29-го сентября сорок второго года, у нас был ожесточенный бой. Но как раз это не только наша дивизия, а там армия наша – там три дивизии было, девятая армия. Называлась Алханчуртская долина. Это как раз там Северная Осетия и Ингушетия это как раз. Вот он хотел прорваться через эту долину. Сразу он через Моздок хотел, правее. Слышали Моздок?

Соб. 2: Да, теперь Чечня... - слышали.

ГГК: Да, да, да. Вот там сильные бои были. Там полтора месяца бои. Он все хотел обойти Грозный город, выйти на Гудермес и – на Баку туда сразу идти, левой стороной. Но вот там не получилось у них – он через Алханчуртскую долину это хотел. Она так начиналась – где-то семь километров ширина, там гористые места, и с другой стороны гористые места. С одной горы были вообще ничем... голые, а, этот, наша сторона была кустарники – лесистая такая. И вот когда начиналась эта долина, там ширина – семь километров была. И потом сужалась она, выходила прямо в город Грозный. Там полтора километра ширина была, так. А с двух сторон... Вот там мы встречались со сто двадцати танками. Целый день кипел бой. Там вообще страшно было. Вот, немец потерял там 53 танка. За этот день. И потом, после этого, он уже больше нас не трогал. А пошел правее через Нальчик. Слышали Нальчик?

Соб. 2: Да.

ГГК: На Орджоникидзе город. Слышали Орджоникидзе?

Соб. 2: Да.

ГГК: Он сейчас Владикавказ. А тогда был Орджоникидзе. Вот такое. А потом, были мы до 3-его января сорок третьего года. Потом был приказ весь Северокавказский фронт – он тогда не Северокавказский назывался, а Закавказский фронт, и Северная группа у нас была - Северная, и была Черноморская группа – вот там, где Брежнев (сейчас то Туапсе), туда вот это. А потом, когда уже вышли мы на просторы Ставропольского края, потом переименовали этот фронт в Северокавказский, когда соединились мы с Черноморской группой. А так было две группы – Северная группа и эта. Мы защищали Грозный – это наша была Северная группа, а они – Черноморская группа. Вот. Ну, освобождали Ставропольский край, Краснодарский край, вот... Восемнадцатого марта меня ранило. Под Краснодаром. После лечения попал я в училище военное в Орджоникидзе. Три месяца позанимались, и нас в Тбилиси по Военно – Грузинской дороге на автомашинах перебросили – там запасные полки формировались. И нас – командирами отделения – сержантские нам присвоили звания, там, в училище. И потом на Смоленщину, под город Вязьма, такой, если слышали. Вот, мы освобождали Вязьма, Ярцево, Смоленск, и вышли на белорусскую, на белорусскую землю уже, под город Орша. Вот, меня там ранило второй раз и все, я выбыл.

Соб. 2: А родные Ваши где остались?

ГГК: А родные наши, когда меня призвали, и немец уже Ростов взял, и уже начал

наступление, родные эвакуировались. Подводу отец там организовал, пару лошадей, и они потом были... вот там, семья находилась в лесу – пятнадцать километров от меня. Там был лесничий домик, и они, значит, остановились там, уже дальше ехать некуда, и так остановились так в этом лесничем доме.

Соб. 2: Вы виделись?

ГГК: Нет. Это, когда уже мы встретились, это тогда уже наши рассказывали. Ну так и... А потом, когда уже освободили Нальчик, они переехали в Нальчик, оттуда, с леса. Отец был директором кондитерской фабрики там, в Нальчике. А потом, когда в сорок четвертом освободили Крым, ну, компартия отозвала оттуда всех, которые коммунисты крымские были сюда. Ну, он был председателем колхоза здесь.

Соб. 2: А какого колхоза?

ГГК: Колхоз имени «Восемнадцатый партсъезд». Этот колхоз, он до войны – Димитрово был, вот, где мы скот укрыли, а «Восемнадцатый партсъезд» - а рядом, километров десять от этого хозяйства. Сейчас он колхоз Каменский Джанкойского района, село Кондратьево, а тогда был колхоз «Восемнадцатый партсъезд». Он трижды менялся: был Чернов, потом... Чернов был министр земледелия, враг народа был, потом Ежово – Ежов – враг народа, а потом уже проходил восемнадцатый партийный съезд в то время, и как раз назвали его так вот, до объединения.

Соб. 2: А не знаете, куда вот еще тех, кто из Крыма тоже эвакуировался вместе с животными, куда их еще отправляли, вот кроме Ростова? Или все только в Ростове были?

ГГК: Как? Я не понял.

Соб. 2: Ну вот Вы в Ростове оказались, да?...

ГГК: Нет, я не в Ростове был, в Краснодарском крае.

Соб. 2: В Краснодарском крае. А вот все туда, всех туда животных гнали?

ГГК: Всех, да. Все, все, все, все. Ну, кто – как успел. Понимаете? Вот мы, например, успели, как говорится, в первую очередь почти. Ну, весь же Крым эвакуировался, не только скот. И машинно – тракторные станции - МТС, и трактора, и комбайны – все ж вывозили отсюда. Вот. Поэтому, кто не успел – где-то посреди Краснодарского края там сдали скот, а мы почти до границы Ставропольского края догнали. Там уже, как раз, где родина Михаила Сергеевича.

Соб. 2: А кого в первую очередь переправляли – животных, людей?

ГГК: Всех, всех подряд. Да транспорт был разъединен. Вот людей, например, на лодках отправляли. А вот скот – это специальные были сделаны, понимаете, я как говорил – две баржи вместе. Делали... сделаны балзы деревянные, и вот, по 50 голов загоняли на баржу, катер цеплял, и пошел. Овец – в лодки. Девять – десять лодок, накидают их там по 50, по 60 штук, катер зацепит всех девять и попер туда, на ту сторону. А люди само собой сбоку от переправы. Всех подряд, всех, что Вы. Организованно все было.

Соб. 2: Организованно, да, было?

ГГК: Да. Сейчас бы – вообще непонятно было, а тогда, несмотря на войну, и эвакуация была, и заводы и фабрик все... Эвакуировали все, как говорится, положено, организованно. И транспорт находили, и все находили.

Соб. 2: А как людей предупреждали, чтобы эвакуировались?

ГГК: Ну объявляли. Вот, например... как, вот, с райкома партии там, или с райисполкома приезжали представители, собирали собрание там, и объявляли, что тогда там, значит, приготовьтесь и будете эвакуироваться, и все.

Соб. 2: А после того, как закончилась война, в Крым вернулись когда?

ГГК: Я прибыл 24-го августа сорок четвертого года. После десяти с половиной месяцев мытарства по госпиталям приехал.

Соб. 2: К родным?

ГГК: К родным. Родные уже вернулись, с Нальчика приехали уже. Они в июне приехали, а я – в августе прибыл.

Соб. 2: А многие сюда вернулись, вот кто эвакуировался?

ГГК: Я не...

Соб. 2: Ну вот в Вашем селе, например?

ГГК: Ну как? В нашем селе, ну, с нашего села эвакуировались только мы.

Соб. 2: А сильно много людей, скажем так, пострадало? Вот, кто в оккупации остался из сельчан? Все остались живы?

ГГК: Ну, в основном, в основном, все остались. В основном.

Соб. 2: А что-нибудь рассказывали, что проходило... что тут было во время войны, они что-нибудь вот..?

ГГК: Ну как, во время оккупации? Как... Немецкие, как говорится, законы драконовские.

Соб. 2: Это какие такие?

ГГК: Полицаи, старосты были там, все ж... Они ж... А я откуда знаю? Я ж не...

Соб. 2: Не рассказывали?

ГГК: Я ж не знаю. Кто заслужил – тех посадили. Там старост, полицаев, которые там... творили или чудили тут, знаете...А так, что было...

Соб. 2: А не рассказывали, как их выбирали, этих... Кто будет староста, и кто...

ГГК: Ну, некоторые так говорили, что изъявляли сами желание, а некоторых заставляли. «Вот, ты будешь!». Он даже не хочет, а говорит: «Нет, будешь ты и все». Так я слышал. Так оно и так это...

Соб. 2: А какие законы были, Вы говорите, драконовские?

ГГК: Ну я откуда я знаю?

Соб. 2: Не рассказывали?

ГГК: Ну откуда я знаю?

Соб. 2: Нет?

ГГК: Ну жесткие законы были. Это ж понятное дело.

Соб. 2: Ну, говорили, голодали, наверное, может, продукты у них забирали?

ГГК: Ну, всякое было. Так вот тоже, по рассказам, там, заходит: «Яйки, молоко... млеко давайте сюда все». Чудили так вот. Даже рассказывали вот, с моей семьи, к одним... а все ж попрятались, когда немцы пришли. Попрятались. Ну, и потом, говорит, где-то через полчаса или сколько, говорит, заносит голову, говорит: «Матка! Нате тебе!» - голова свиная. А они ихнюю свинью зарезали – немцы. А им – голову занесли. Ну такое. Ну так. А так, я ж не..., не в курсе дела.

Соб. 2: Ну, а вот слышали, может, когда вернулись, что вот там... расстрелы какие-то были массовые? Что-то такое?

ГГК: Ну, массовые расстрелы - слышал, что тут в Красногвардейске были какие-то расстрелы. А так, чтоб в селах там... В нашем селе не было такого. Чтоб массовые расстрелы были. Были единичные, так что... Вот. Вот так, такая жизнь.

Соб. 1: А вот когда еще эвакуировались, разрешали брать имущество какое-то из дома, например, ну, вот что-то – вещи какие-то?

ГГК: Ну как? Вот мы, например, так эвакуировались: бистарка. Знаете, что такое бистарка?

Соб. 1, 2: Нет.

ГГК: Это до войны и после войны, когда машин было мало, зерно возили, под зерно. Вот, такой, как говорится, делали конусный на бричка... на ходу бричечном, и там где-то до тонны входило зерна. И вот, комбайн косит, он подъезжает, и насыпает полную бистарку, и он везет. Там есть дырка, затвор такой, открыл - высыпал и все. Это бистарка. Мы нагрузили полторы тонны муки. Потому что отец говорит: «Там вам никто не приготовил. А что, - говорит, - первое – хлеб, это основное, как говорится». Вот мы полторы тонны муки беленькой, тогда назывался она «нолевка», вальцовая.

Соб. 2: Это значит, высший сорт?

ГГК: Да. Вот мы нагрузили полторы тонны вот на эту бистарку, запрягли пару волов, и вперед. А потом мажара – солому возить, такая длинная, солому возить. Вот мы туда – что? Сделали и на бистарку, сделали и на мажару шатер, как цыгане – ну, от дождя ж надо? Нагрузили – всю постель забрали, всю одежду забрали мы, которая была, посуду забрали мы, вот. На эту мажару все погрузили. Ну, мебель не брали, потому что некуда, а вот основное все вот это мы забрали. Кроме кроватей, там гардеробы, комоды, стулья – это мы ничего не брали. Вот и все, так что...

Соб. 2: А когда вернулись из эвакуации, в доме остались эти вещи?

ГГК: Какие?

Соб. 2: Вот мебель, вот то, что вы оставили?

ГГК: А, та ну, их там порастянули все! Вот этот, во время немцев. Ну правда мы... Приехали наши когда уже, вот это, в другое село ж – Аксирук Онрат, вот, сразу, тогда, когда отца председателем выбрали в это, в колхоз «Восемнадцатый партсъезд» тогда. Так мы, ездила мать, узнала гардероб свой – забрали.

Соб. 2: А у кого был?

ГГК: А?

Соб.2: У кого был?

ГГК: У старосты.

Соб.2: А, это тот, кто старостой был?

ГГК: Старостой был, и это...

Соб.2: А как фамилия его была, помните?

ГГК: Ирза.

Соб.2: Ой, интересная фамилия!

ГГК: Ирза такой. Вот.

Соб. 2: Прибалт?

ГГК: Нет, не знаю, какой он. Но он еще до войны отсидел 10 лет. Он, конечно, на советскую власть был недоволен. Ну...

Соб. 2: А как его звали?

ГГК: Звать – не знаю, а фамилия – Ирза. Потому что у него была дочь, такого возраста, как мы, вот, поэтому я запомнил... Осталась телка у нас. Тут эвакуировать, а она куда-то зашла и исчезла. Двухлетняя телка. Так вот этот староста говорит... Ну, люди говорят уже, значит, мол, поймали ее, и он говорит: «Вот здесь, чтоб от коммунистов ничего не оставалось!». И, говорит, забили ее.

Соб. 2: А мясо куда дели?

ГГК: А я откуда знаю? Ну, наверно...

Соб. 2: Не говорили, да?

ГГК: ... наверно ж покушали. Наверно ж староста распределил с полициями. Вот, вот это

такое, как говорили люди, когда уже... Так, что еще вас интересует?

Соб. 1: А когда вернулись, сильно тут разрушен город был? Ну...

ГГК: Село...

Соб. 1: Поселок.

ГГК: Да я бы не сказал. Я бы не сказал. Например, вот колхоз Димитрово, это русский Каранкота назывался до войны, а потом, после войны уже – Тимирязево. Село. Там все дома были нормально, все. Ну, в этом, в «Восемнадцатом партсъезде», там было здание кирпичное, большое, немецкое; там начальная школа была до войны, там четыре класса училось. Вот. Они ее разобрали, и что в основном взяли лес. Проектора стояли в лесополосе там немецкие, и вот они себе там на землянку все это они разобрали – лес под... на землянку. А так все дома были нормально все.

Соб. 2: А в этой школе немецкой дети на каком языке изучали... обучались?

ГГК: Все на русском языке.

Соб. 2: На русском.

Там и немцы, и татары учились, и русские, и все, все, все – из Джанкойского района, из Калайского района...

Соб. 2: И вы там учились?

ГГК: И я учился там.

Соб. 2: А учителей помните?

ГГК: Ну, помню, был по математике у нас Шамбор – немец. Потом, по русскому языку тоже инвалид был, пожилой уже, лет наверно, шестьдесят ему было, преподаватель – Отц фамилия. Ну так... Других уже позабыл я.

Соб. 2: А по-русски они хорошо говорили?

ГГК: Хорошо. Ну вот русский язык преподавал Отц этот, вот этот. И математику на русском, все на русском языке было. И татары учились на русском языке, и... и немцы на русском языке, и мы все учились на русском. Вот у нас учились там вот из Мускатного - тогда Дорогим был, Новопокровки учились там у нас, с Новой Жизни Джанкойского района, там вот, Немборым, этот, Татарборым, были оттуда – с Джанкойского района, со всех окружающих – тогда ж, так, средних школ то мало ж было вообще. Ну вот со всех, все на русском языке учились. И не..., и в основном то состав преподавателей был из немцев. Вот. Но все на русском языке преподавали.

Соб. 2: А вот когда приехали, что с татарами было, не слышали?

ГГК: Это без меня было. Я слышал, что татар выслали, а что, как, чего, зачем – это я уже не помню.

Соб.2: Но их меньше стало?

ГГК: А?

Соб. 2: Их меньше стало?

ГГК: Как меньше?

Соб. 2: Ну вот приехали...

ГГК: Ну их сто восемьдесят тысяч же выслали. С Крыма.

Соб. 2: Никого не осталось?

ГГК: Наверно ж, никого. А кто ж еще мог остаться?

Соб. 2: А за что выслали – знаете?

ГГК: Ну, то, что они сотрудничали с немцами, вот, и, значит, делали не... дела здесь, те, которые не положено делать. Вот и все. За это их и... За это их и...

Соб. 2: А где... А где узнали об этом?

ГГК: Кто?

Соб. 2: Ну вот Вы откуда...?

ГГК: Ну я когда приехал. Когда приехал.

Соб. 2: Вам рассказали?

ГГК: Да. Вот немцев на моих глазах вы... Мы их даже вывозили их, вот этот... Азовская, станция Азовская, вот туда, мы с этой вот, с немецкого... с Немченкой...

Соб. 2: Они добровольно ехали или...

ГГК: Кто?

Соб. 2: Немцы.

ГГК: Нет. Им объявили, что будет эвакуация. Где-то не... мы уже работали там – из русских деревень ребята, девочки, вот... Там же остался и скот же ж, и все, и уборка как раз была, и хлеб, и все ж – надо ж что-то ж, и коровку подоить надо – колхозное все ж, надо и покормить и все... Им объявили. Они целую неделю готовились к этому делу. Но им разрешали брать только пятьдесят килограмм на человека. Что уже будешь брать ты – вещи, этот... продукты, или что... И потом вот так, как я помню, мажары, бистарки, на лошадях, трактор кто-то тянул, и вот заезжали с краю, по одному ряду села... вот это за, я за... Ближнегородский вот этот, Немченкой, колхоз Сталина был. И все, вот к первому дому подъехали – они все выходят, свои вещи ложат, и идут. Следующий дом. И так все, и потом всех туда. Так что недобровольно. Это ж по распоряжению правительства. Как добровольно?

Соб. 2: А пытались кто-то остаться?

ГГК: Нет. Никакого сопротивления не было.

Соб. 2: А им сказали, почему их отсюда выселяют?

ГГК: Этого я не знаю. Не могу сказать.

Соб. 2: А Вы как думаете, почему?

ГГК: Ну просто обезопасить. Все ж они ж могли сотрудничать с немцами. Может быть, даже не все, но часть все ж таки... Нация то одна и та же. Они ж оттудова все. Могли. Вот как татары делали тут безобразия, могли и немцы так же само. Я даже вот... Моего двоюродного брата – он был председателем колхоза - колхоз Кагановича был, Мускатное тогда, немецкое дали ему... Жену ж немцы расстреляли! Одна была замужем... Был какой-то такой порядок, если немка замужем за русским, то не выселяли. Понимаете? Муж на фронте, она осталась. И она каким-то образом, он уехал, вернее в Севастополь в партизанские отряды его мобилизовали, а она осталась в деревне, не эвакуировалась, жена его. И она говорит: «Вот это председателя жена», и немцы расстреляли.

Соб. 2: Немцы Немкия расстреляли?

ГГК: Нет, русская – моего брата жена.

Соб. 2: А.

ГГК: Двоюродного брата. А эта немка, которая осталась, вот она говорит этому... Жена...

Соб. 2: Она показала.

ГГК: Жена, да. И ее расстреляли.

Соб. 2: Получается, немка ему помогала, действительно.

ГГК: Ну вот, поэтому, я говорю, может быть не все, а часть же помогали, сотрудничали с немцами ж.

Соб. 2: А как... А, эта немка осталась, потому что замужем, да...

ГГК: Замужем за русским была. Понимаете?

Соб. 2: Да. Да. Ясно.

ГГК: Он на фронте был, а она осталась дома с детьми.

Соб. 2: Ну, а после войны немцы сюда возвращались? Вот тех, которых выслали?

ГГК: Приезжали там, в гости. А так, чтобы на постоянное, это ж позже было разрешение уже, когда возвращаться. Когда и татарам, и немцам, тогда все, а так не возвращались. Так приезжали вот, многие, даже за справками приезжали, еще к отцу моему приезжали ж. Вот справки, что работали там до войны. И вот так. А так, чтобы на постоянное жительство – не приезжали. Ну разрешения ж не было – это все ж делалось правительством.

Соб. 2: Ясно. Ну, спасибо Вам большое!

Продолжительность интервью – 40 минут.